

Стратегические ориентиры государственной коммуникационной политики в информационном обществе

Штриков С. А.

АО «Синергия Групп», Москва, Российская Федерация; shtrikov_sa@cnrg-group.com

РЕФЕРАТ

Целью данной статьи является критический анализ Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. Теоретической основой анализа выступает теория информационного общества и коммуникативная теория власти. Имея богатый объяснительный потенциал и основываясь на масштабных эмпирических исследованиях, данные теории комплексно характеризуют основные элементы существующей социально-экономической системы в их взаимосвязи с политическим действием и способствуют формированию обоснованных управленческих рекомендаций. Методы исследования включают в себя структурный и контекстуальный анализ текста, выполненный с помощью программы MAXQDA (n=225) и позволяющий раскрыть значимость ключевых параметров коммуникационной политики в информационном обществе и их соотношение друг с другом. Результаты исследования демонстрируют, что в Стратегии отражены все доминантные параметры коммуникационной политики в информационном обществе: цифровизация индивидуального, организационного и пространственного развития; формирование правовых и институциональных основ общества знаний на международном уровне; внедрение интеллектуальных способов работы с данными и принятия решений на основе анализа больших данных в науке, промышленности, бизнесе, а также в государственном управлении; управленческие трансформации и формирование все новых компетенций у стейкхолдеров информационного общества, к которым в том числе принадлежат государственные служащие. Однако акцент на безопасность, сделанный в Стратегии, относится к экстенсивным элементам развития коммуникационной политики органов государственной власти. Как показывают современные исследования, ограничительное развитие является критическим элементом, препятствующим формированию эффективной коммуникационной политики органов государственной власти в условиях информационного общества. В статье обосновывается вывод о целесообразности замены коннотации безопасности как ограничения на коннотацию безопасности как устойчивого развития. Устойчивое развитие может и должно выступать стратегическим ориентиром государственной коммуникационной политики в целях развития информационного общества в современной России.

Ключевые слова: Государственная коммуникационная политика, стратегическое развитие, информационное общество, общество знаний, устойчивое развитие

Для цитирования: Штриков С. А. Стратегические ориентиры государственной коммуникационной политики в информационном обществе // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 43–55.

Strategic Guidelines for the Development of the Public Authorities Communication Policy in the Information Society

Sergei A. Shtrikov

Synergy Group JSC, Moscow, Russian Federation; shtrikov_sa@cnrg-group.com

ABSTRACT

The purpose of this article is to critically analyze the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030. The theoretical basis of the

analysis are the theory of information society and communicative theory of power. Having a rich explanatory potential and based on the large-scale empirical research, these theories comprehensively characterize the main elements of the existing socio-economic system in their relationship with political action. Thus they contribute to the development of practical recommendations for public authorities. *Methodologically*, this study is based on the structural and contextual analysis of the text, carried out with the help of MAXQDA (n=225) and allows to reveal the importance of key parameters of communication policy in the information society and their relations with each other. The *results* of the study show that the Strategy reflects all the key parameters of communication policy in the information society, like: the digitalization of individual, organizational and spatial development; the formation of legal and institutional foundations of the knowledge society at the international level; the introduction of artificial intelligence and big data based decision making in science, industry, business, and in governance; the transformations in administration and management and the formation of new competences in the information society's stakeholders. However, the Strategy makes a very strong emphasis on security issues. This refers to the extensive elements of the development of communication policy of public authorities. Contemporary studies research shows, that the restrictive development is a critical element that prevents the formation of an effective communication policy of public authorities in the information society. The article substantiates the *conclusion* that it is expedient to change the connotation of the security concept, and to understand it in terms of sustainable development. Sustainable development should serve as a strategic reference point for the state communication policy in order to develop the information society in contemporary Russia.

Keywords: communication policy, strategic development, information society, knowledge society, sustainable development

For citing: Shtrikov S. A. Strategic Guidelines for the Development of the Public Authorities Communication Policy in the Information Society // Administrative consulting. 2020. N 1. P. 43–55.

Введение

Развитие информационно-коммуникативных технологий существенным образом преобразует многие аспекты социальных, экономических и политических отношений в обществе. С начала 2000-х годов в России принят курс на формирование информационного общества, что связано с внедрением передовой компьютерной инфраструктуры, максимально открытого доступа к информации и повышением роли информационно-коммуникационных технологий в экономике. Это привело к повышению оперативности и эффективности принятия решений органами государственной власти, а также к постановке актуального вопроса о перспективах развития управленческих технологий и в частности — о значимости формирования эффективных каналов коммуникационной политики в новых социально-экономических условиях [8].

В этом отношении особое значение приобретает деятельность органов государственной власти по формированию коммуникационной политики, и прежде всего — создание ее фундаментальных основ, учитывающих ключевые тенденции информационного общества и экономики знаний. На сегодняшний день основным стратегическим документом в данной сфере является Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (далее — Стратегия), принятая указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203¹. В документе подчеркивается, что информационно-коммуникационные технологии стали частью современных управ-

---

¹ О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.: Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363. (дата обращения: 21.06.2019).

ленческих систем во всех секторах экономики, в различных сферах государственного управления, в области безопасности государства и обеспечения правопорядка. Это утверждение имеет под собой серьезные основания. Аудитория русскоязычного сегмента сети интернет к апрелю 2019 г. достигла 92,8 млн чел. — то есть почти 70% населения России. За год число пользователей сети увеличилось на 3% [5]. По оценке Института статистических исследований и экономики знаний НИУ Высшая школа экономики, к 2030 г. рост ВВП будет более чем наполовину связан с цифровизацией (1,47% из 2,75% ежегодного прироста ВВП) [3]. В долгосрочной перспективе цифровизация станет важным структурным фактором экономического роста и развития [14].

В условиях столь динамично меняющейся информационной среды само наличие Стратегии развития информационного общества является значимым инструментом государственного управления. Анализу стратегических подходов к развитию информационного общества в России посвящено уже несколько научных работ [1; 4; 6; 7], демонстрирующих, что благодаря Стратегии государственное и муниципальное управление получило новый толчок к развитию информационных и коммуникационных систем. В то же время данные статьи не дают ответа на вопрос о том, насколько эффективной основой является Стратегия для формирования коммуникационной политики органов государственной власти? Ведь несмотря на важность технико-информационного развития, ключевым фактором формирования информационного общества были и остаются коммуникационные технологии, благодаря которым становятся возможными и экономические, и политические, и социальные изменения [19].

Как утверждает М. Кастельс, в настоящее время богатство, власть и генерирование знаний во многом зависят от способности организовать общество таким образом, чтобы оно могло воспользоваться благами новой технологической системы, коренящейся в микроэлектронике, коммуникации и цифровой коммуникации, с ее растущей связью с биологической революцией и ее производной, геной инженерией [11, р. 3]. Другими словами, коммуникационная политика органов власти должна формироваться на основе Стратегии развития информационного общества, но в то же время сама Стратегия должна способствовать формированию коммуникационной политике, адекватной новой социально-экономической реальности.

Целью данной статьи является критический анализ Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. Теоретической основой анализа выступает теория информационного общества и коммуникативная теория власти. Будучи одной из самых новых и перспективных теорий, объясняющих политические и властные отношения в современном мире, коммуникационная теория власти имеет богатый объяснительный потенциал, который возможно использовать для развития управленческих рекомендаций по совершенствованию Стратегии на национальном и региональном уровнях. Теория информационного общества, в свою очередь, позволяет охарактеризовать основные элементы существующей социально-экономической системы в их взаимосвязи с политическим действием.

Теоретические основы

Современные исследования опираются на большие массивы эмпирических данных, многочисленные международные индексы и экспертные оценки, которые позволяют охватить и обобщить более 50 лет информационных и следующих за ними экономических и социальных трансформаций в современном мире. Коммуникационная теория власти и теория информационного общества основываются на следующих признанных и доказанных тенденциях.

Во-первых, в информационном обществе происходит трансформация условий жизни человека — персонализация и виртуализация здравоохранения и образования [15], технологическое усложнение и исчезновение ряда традиционных профессий по причине автоматизации многих трудовых операций, а также появление новых профессий, основной характеристикой которых становится неалгоритмизируемый труд и творчество [13]; активная социальная интеграция лиц с ограниченными возможностями и одиноких пожилых людей; цифровизация пространственного развития территорий (распространение «умных» городов, «умных» домов, цифровых рабочих мест) [9]. Формирование правовых основ общества знаний происходит благодаря актуализации потребностей новых форматов коммуникаций и развитию информационно-коммуникационных технологий.

Во-вторых, происходит распространение новых клиентоориентированных бизнес-моделей, в которых основным источником создания стоимости является высокоскоростная обработка больших данных и активное использование искусственного интеллекта [12]. Развитие общества знаний форсирует экономическое развитие в передовых регионах, что в свою очередь формирует новый виток технологического развития, развития инфраструктуры и повышения качества жизни граждан [2]. Это приводит к формированию стейкхолдеров нового типа, заинтересованных в прогрессивных технологических, социальных, экономических и политических изменениях в обществе.

В-третьих, распространяется цифровизация промышленного производства, ведущая к снижению стоимости технологических решений и переориентации бизнес-модели предприятий от продуктоориентированных к сервисным [23], а также цифровизация науки благодаря распространению машинного обучения и интеллектуального анализа огромных массивов данных практически во всех предметных областях. Творчество и инновации становятся основными движущими силами создания ценностей и социальных изменений. В мире цифровых сетей процесс интерактивного творчества начинает противоречить законодательству о правах собственности, унаследованному от индустриальной эпохи. Кроме того, поскольку крупные корпорации строят свое богатство и власть на контроле над этими правами собственности, независимо от новых условий инновационной деятельности, компании и правительства еще более усложняют коммуникацию инноваций, чем в прошлом [11].

В-четвертых, происходит цифровизация государственного управления [25] через создание цифрового правительства, основанного на идеях клиентоориентированности, омниканальности и гибкости управления (agile) [24] через постоянное использование механизмов обратной связи с населением на протяжении всего срока реализации мероприятий и программ [3]. Органы государственной власти «поворачиваются лицом» к населению, предлагая и выполняя различного рода услуги, использование которых становится проще и результативнее. В этом отношении интернет и электронная почта в значительной степени представляют собой эффективные каналы передачи информации, обеспечивающие в том числе обратную связь, транслирующую предпочтения и ценности граждан и, таким образом, позволяют им участвовать в государственном управлении, особенно на местном и региональном уровнях. При этом государственный сектор является той сферой общества, в которой новые коммуникационные технологии наименее распространены и организационные препятствия для инноваций и сетевого взаимодействия наиболее выражены [11, р. 16]. Это обуславливает значимость управленческих трансформаций — прежде всего, трансформаций технологий управленческой деятельности, коммуникативных технологий и технологий развития человеческого капитала в управленческой сфере. В новом формате общественных отношений невозможно управлять по-старому. Управленческое воздействие должно искать эффективные способы реализации, а государственные служащие — приобретать новые знания и навыки [16].

В-пятых, новая социальная реальность является не резким скачком изменений, а результатом эволюционного развития [10]. Оно опирается на предшествующие форматы общественных отношений, то есть исходит из принципа преемственности в формировании духовного и культурного развития общества [17]. Это развитие призвано быть безопасным и устойчивым, и только при этих условиях оно может быть признано прогрессивным [22].

Материалы и методы

Исследование включает два этапа. На первом этапе мы проведем структурный анализ текста Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. Задачей этого этапа является формирование представления о доминантных характеристиках ключевых параметров коммуникационной политики в информационном обществе. Исходя из проведенного теоретического анализа, к таковым параметрам относятся следующие: управленческие трансформации; формирование правовых основ общества знаний; экономическое развитие; формирование стейкхолдеров нового типа; технологичное и инфраструктурное развитие; безопасное развитие; устойчивое развитие; развитие общества знаний; коммуникационно-политическое развитие; преемственное развитие; духовное и культурное развитие.

На втором этапе с помощью компьютерной программы MAXQDA-2018.2 (<https://www.maxqda.com>) мы проведем кодирование текста Стратегии с тем, чтобы раскрыть значимость ключевых параметров коммуникационной политики в информационном обществе и их соотношения друг с другом. В процессе анализа каждому значимому фрагменту текста Стратегии присваивался один или несколько кодов, которые затем были проанализированы с помощью структурного и графического анализа. Всего было закодировано 225 текстовых элементов.

Результаты

Структурный анализ текста Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (табл.) позволяет сделать вывод, что в ней отражены в том или ином объеме все ключевые параметры коммуникационной политики в информационном обществе. В Стратегии подчеркивается, что ее целью является создание условий для формирования в Российской Федерации общества знаний, и для развития информационного общества «государством создаются условия для формирования пространства знаний и предоставления доступа к нему, совершенствования механизмов распространения знаний, их применения на практике в интересах личности, общества и государства»¹. Данная формулировка отвечает концептуальным характеристикам коммуникативной теории власти и современным трендам государственной коммуникационной политики. Более того, целью создания и новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы «является повышение качества жизни граждан на основе широкого применения отечественных информационных и коммуникационных технологий, направленных на повышение производительности труда, эффективности производства, стимулирование экономического роста, привлечение инвестиций в производство инновационных технологий, повышение конкурентоспособности Российской Федерации на мировых рынках, обеспечение ее устойчивого и сбалансированного долгосрочного развития»².

¹ О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.

² Там же.

Дальнейший анализ текста Стратегии с использованием компьютерной программы MAXQDA позволяет продемонстрировать значимость ключевых параметров коммуникационной политики в информационном обществе и связи между ними. Количественное распределение ключевых параметров развития коммуникационной политики в информационном обществе показывает, что согласно тексту Стратегии, основной смысл развития информационного общества в Российской Федерации составляет тройка: технологичное и инфраструктурное развитие (49 единиц) — безопасное развитие (44 единицы) — духовное и культурное развитие (24 единицы). Несколько меньшее внимание уделяется экономическому развитию (22 единицы), формированию правовых основ общества знаний (19), коммуникационно-политическому развитию (19 единиц), развитию общества знаний (15 единиц), управленческих трансформаций (14 единиц) и формированию стейкхолдеров нового типа (12 единиц). Наименьшее влияние в Стратегии имеют коды преемственного развития (6) и устойчивого развития (1 единица). Такая структура не в полной мере соответствует представлениям о приоритетах формирования информационного общества, обоснованных в коммуникативной теории власти, поскольку свидетельствует о том, что во главу угла поставлено технологическое развитие, в то время как коммуникационному фактору, придающему этому развитию смысл и организационное оформление, внимания уделено существенно меньше.

Наиболее крупными смысловыми узлами Стратегии являются пересечения кодов «технологичное и инфраструктурное развитие» и «безопасное развитие», «духовное и культурное развитие — безопасное развитие», «духовное и культурное развитие — коммуникационное и политическое развитие», а также «духовное и культурное развитие — развитие общества знаний». Бинарная матрица кодированных единиц показывает, что несмотря на декларируемое развитие информационного общества, технологического развития, инноваций и общества знаний, вся коммуникационная политика государства при этом должна быть, согласно идее Стратегии, направлена на поддержание безопасного развития, и прежде всего — через развитие культурное и духовное. Если учесть, что духовное и культурное развитие в российском политическом дискурсе является достаточно консервативным понятием, можно сделать вывод о том, что текущий вариант Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. нуждается в трансформации, поскольку не обеспечивает необходимой управленческой динамики коммуникационной политики и глобальным тенденциям развития информационного общества.

Графическая репрезентация кодированных единиц показывает, что технологичное/инфраструктурное развитие и безопасное развитие обнаруживают себя как отдельно стоящий и наиболее сильный кластер приоритетов развития информационного общества. И если с технологическим развитием можно при определенных оговорках согласиться, то подробное рассмотрение сути безопасного развития заставляет предположить, что оно противоречит корневой динамике информационного общества и следовательно должно быть так трансформировано в рамках коммуникационной политики органов государственной власти, чтобы при соблюдении важнейших внешнеполитических ограничений и требований безопасности не нарушать информационно-коммуникативного прогресса. Подчеркнем также, что особую значимость в сформированном графе имеет плотная связка «формирование стейкхолдеров нового типа — управленческие трансформации». Ее наличие, хоть и не в столь интенсивном формате, как лидирующие смысловые узлы, указывает на то, что в стратегии есть потенциал коммуникативного действия.

Представим гипотетически, что код «безопасное развитие» вообще исключен из анализируемого документа. В данном случае семь кодов занимают равноцентральное положение, группируясь вокруг технологичного и инфраструктурного развития. Экономическое развитие оказывается близко связанным с коммуникационно-по-

Структурный анализ текста Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.

Table. Structural analysis of the text of the Strategy for the Development of the Information Society in the (Russian Federation for 2017–2030

Название раздела № пунк-тов	Краткое содержание	Отражение ключевых параметров коммуникационной политики в информационном обществе
I. Общие положения		
1–4	Правовые основы Стратегии, основные принципы и понятия	Дуализм свободы и безопасности, <i>премущественности</i> и инновационности
II. Россия в современном информационном обществе		
5–19	Конвенциональные документы и социальные процессы, положенные в основу Стратегии. Проблемы, недостатки и преимущества развития цифрового общества	Связь <i>духовно-культурного</i> аспекта развития информационного общества с приоритетами технологического развития
III. Цель настоящей Стратегии и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации при развитии информационного общества		
20–23	Определение национальных интересов и реализуемых приоритетов	Значимость <i>коммуникационно-политического</i> аспекта при формировании общества знаний (формирование пространства знаний и предоставления доступа к нему, совершенствования механизмов распространения знаний, их применения на практике)
24–26	Формирование информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений	Характеристики информации в обществе знаний
27–34	Развитие информационной и коммуникационной инфраструктуры Российской Федерации	<i>Инфраструктурное развитие</i> , связь развития новых технологий с безопасностью государства, <i>управленческими трансформациями</i> и новыми компетенциями <i>стейкхолдеров информационного общества</i>
35–38	Создание и применение российских информационных и коммуникационных технологий, обеспечение их конкурентоспособности на международном уровне	Технологичное и инфраструктурное развитие, ее связь с международной безопасностью и важностью формирования <i>правовых основ</i> информационного общества

Название раздела № пунк- тов	Краткое содержание	Отражение ключевых параметров коммуникационной политики в информационном обществе
39–41	Формирование новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы	Экономическое развитие, экономика знаний. Значимость <i>устойчивого развития</i> Российской Федерации
42–45	Обеспечение национальных интересов в области цифровой экономики	Безопасность развития общества знаний в России с точки зрения международной политики
IV. Приоритетный сценарий развития информационного общества в России		
46–51	Критерии успешного развития информационного общества	—
V. Перечень показателей реализации настоящей Стратегии и этапы ее реализации		
52–54	Рекомендации Правительству Российской Федерации	Механизмы оценки эффективности развития информационного общества
VI. Управление реализацией настоящей Стратегии. Источники и механизмы ресурсного обеспечения мероприятий по реализации настоящей Стратегии. Задачи, функции и порядок взаимодействия государственных органов, органов местного самоуправления и организаций при реализации настоящей Стратегии		
55–65	Определен перечень государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, участвующих в реализации Стратегии	Субъективизация управленческих трансформаций (выделение основных акторов управления и субъектов коммуникационной политики)

литическим, а управленческие трансформации логически взаимозависимы с формированием стейкхолдеров информационного типа.

Обсуждение

Полученные результаты анализа Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. продемонстрировали значимость активной коннотативной деятельности в ходе формирования и реализации коммуникационной политики органов государственной власти. Взаимосвязь и взаимозависимость закодированных элементов позволила показать уязвимые стороны текста Стратегии. Если в ходе практической коммуникационной деятельности не уделить этим элементам должное внимание, то реализация основной цели Стратегии — развитие информационного общества — может быть существенно затруднена. Несмотря на то, что информационное общество в Стратегии имеет достаточно унифицированную формулировку: это «общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан»¹, в Стратегии также признается, что

¹ О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.

цифровая экономика «оказывает существенное влияние на темпы роста валового внутреннего продукта Российской Федерации». И задача коммуникационной политики органов государственной власти — способствовать достижению этой цели.

Если все закодированные единицы поделить на прогрессивные (способствующие развитию информационного общества) и экстенсивные (тормозящие его развитие) [20; 26], то мы увидим, что один из ключевых и наиболее часто встречающихся элементов — безопасное развитие — будет отнесено к экстенсивному типу. Мы показали, как изменится концептуальный рисунок текста, если эту единицу анализа исключить. Безусловно, данное исключение носит лишь характер теоретического моделирования: поскольку правовую основу Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. составляют в числе прочих Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, столь пристальное внимание к стратегической значимости безопасного развития объяснимо и необходимо. Однако нельзя не учитывать и то, что как показывают современные исследования, ограничительное развитие является критическим элементом, препятствующим формированию эффективной коммуникационной политики органов государственной власти в условиях информационного общества. И если безопасность понимать как ограничение, в том числе ограничение национальной, то безопасное развитие не может стать основой коммуникационной политики.

Разрешить сложившееся противоречие представляется возможным путем более детального анализа текста Стратегии, а именно тех его отрывков, которые получили код «безопасное развитие». К таковым относятся, например, следующие¹:

- для формирования информационного пространства знаний необходимо сформировать безопасную информационную среду на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (п. 26г);
- для устойчивого функционирования информационной инфраструктуры Российской Федерации необходимо заменить импортное оборудование, программное обеспечение и электронную компонентную базу российскими аналогами, обеспечить технологическую и производственную независимость и информационную безопасность (п. 29д);
- для предоставления безопасных и технологически независимых программного обеспечения и сервисов необходимо создать российское общесистемное и прикладное программное обеспечение, телекоммуникационное оборудование и пользовательские устройства для широкого использования гражданами, субъектами малого, среднего и крупного предпринимательства, государственными органами и органами местного самоуправления, в том числе на основе обработки больших объемов данных, применения облачных технологий и интернета вещей (п. 30а).

Все эти примеры демонстрируют ограничительную коннотацию понятия «безопасность», связанную с введением определенных интернациональных ограничений. В модели коммуникационной теории власти и информационного общества такая коннотация понятия «безопасность» относится к практикам неустойчивого развития. Подобная ситуация складывается во многих странах мира благодаря напряженной международной политической обстановке, однако в то же время она затрудняет формирование и развитие информационного общества, входя в конфликт с глобальными тенденциями коммуникационной открытости. Подобная ориентация в области безопасности не может быть признана эффективной, несмотря на довольно существенные финансовые и административно-организационные ресурсы, вкладываемые в ее развитие [18; 21]. Поэтому в рамках развития коммуникационной

¹ Там же.

политики органов государственной власти необходимо осознать неэффективность подобного подхода к обеспечению безопасности и акцентировать другую, прогрессивную, коннотацию понятия «безопасное развитие», которое логически вытекает из модели устойчивого развития.

К сожалению, в тексте Стратегии присутствует лишь намек на актуализацию кода «устойчивое развитие»: в рамках декларации цели создания новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы утверждается, что таковой выступает «повышение качества жизни граждан на основе широкого применения отечественных информационных и коммуникационных технологий, направленных на повышение производительности труда, эффективности производства, стимулирование экономического роста, привлечение инвестиций в производство инновационных технологий, повышение конкурентоспособности Российской Федерации на мировых рынках, обеспечение ее устойчивого и сбалансированного долгосрочного развития».

Однако проведенный анализ показал, что задачей практического характера является формирование коммуникационной политики органов государственной власти именно на основе модели безопасности в рамках устойчивого развития. Подход к обеспечению безопасности через устойчивое развитие позволяет реализовать коммуникационную политику органов государственной власти в рамках современных тенденций, осмысленных теориями информационного общества и коммуникационной концепции власти. Другими словами, именно устойчивое развитие может и должно выступать стратегической основой коммуникационной политики органов государственной власти в информационном обществе.

Выводы

В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, современные тенденции развития государства, описываемые теорией информационного общества и коммуникативной теорией власти, делают невозможным игнорирование необходимости совершенствовать стратегические основы коммуникационной политики органов государственной власти. К таким тенденциям относятся цифровизация индивидуального, организационного и пространственного развития; формирование правовых и институциональных основ общества знаний на международном уровне; внедрение интеллектуальных способов работы с данными и принятия решений на основе анализа больших данных в науке, промышленности, бизнесе, а также в государственном управлении; управленческие трансформации и формирование все новых компетенций у стейкхолдеров информационного общества, к которым в том числе относятся государственные служащие.

Во-вторых, текст Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. в целом соответствует современным тенденциям развития коммуникационной политики органов государственной власти в условиях информационного общества. Она объединяет все ключевые инструменты такого развития, включая важнейшие из них: направления технологического и инфраструктурного развития, формирование стейкхолдеров нового типа, а также необходимость управленческих трансформаций для формирования общества знаний.

В-третьих, акцент на безопасность, сделанный в Стратегии, в текущем виде относится к экстенсивным элементам развития коммуникационной политики органов государственной власти в целях формирования информационного общества. Замена коннотации безопасности как ограничения на коннотацию безопасности как устойчивого развития помогает решить эту проблему и способствует наиболее эффективной реализации коммуникационной политики органов государственной власти в современной России.

Литература

1. Алиев В. М. Политико-правовые аспекты перехода к цифровой экономике в России // Российский следователь. 2018. № 9. С. 48–52.
2. Балашов А. И., Рогова Е. М., Рудская И. А. Формирование региональной инновационной системы в Санкт-Петербурге // Экономическое возрождение России. 2015. № 1 (43). С. 96–114.
3. Гохберг Л. М. (ред.) Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение [Электронный ресурс] 2019. URL: <https://issek.hse.ru/press/264581421.html> (дата обращения: 10.07.2019).
4. Земцов С. П. Потенциальная роботизация и экономика незнания в регионах России [Электронный ресурс]. XIX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. М. : НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://conf.hse.ru/2018/program>. (дата обращения: 28.07.2019).
5. Кривошапко Ю. РАЭК: Аудитория Рунета достигла 92,8 миллиона человек [Электронный ресурс] // RG.RU-Digital. 17.04.2019. URL: <https://rg.ru/2019/04/17/raek-auditoria-runeta-dostigla-928-milliona-chelovek.html> (дата обращения: 10.07.2019).
6. Кузнецов П. У. Концептуальные условия государственной политики в сфере цифровой трансформации общества // Российское право. 2018. № 6. С. 12–16.
7. Меньшиков П. В. Коммуникация как управленческая функция современного государства // Право и управление XXI век. 2017. № 3. С. 81–90.
8. Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая общественно-политическая нормальность и уроки модернизации постсоветской системы государственного управления // Управленческое консультирование. 2016. № 12 (96). С. 6–15.
9. Angelidou M. Smart city policies: A spatial approach. *Cities*. 2014. N 41. P. 3–11.
10. Beniger J. R. The control revolution. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1986.
11. Castells M., Cardoso G. The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington DC: Center for Transatlantic Relations, 2006.
12. Cath C., Wachter S., Mittelstadt B., Taddeo M., Floridi L. Artificial intelligence and the 'good society': the US, EU, and UK approach. *Science and Engineering Ethics*. 2017. P. 1–24.
13. Csikszentmihalyi M. Society, Culture, and Person: A Systems View of Creativity. In: *The Systems Model of Creativity*. Springer, Dordrecht. 2014. P. 47–61.
14. Degryse C. Digitalisation of the economy and its impact on labour markets, Working Paper N 2016.02, European Trade Union Institute (ETUI).
15. Eskens S., Helberger N., Moeller J. Challenged by news personalisation: five perspectives on the right to receive information. *Journal of Media Law*. 2017. N 9 (2). P. 259–284.
16. Goldfinch S. Pessimism, computer failure, and information systems development in the public sector. *Public Administration Review*. 2007. N 67 (5). P. 917–929.
17. Martin W. The global information society. Aldershot: Gower. 1995.
18. Roztocki N., Weistroffer H. R. Information technology success factors and models in developing and emerging economies. *Information Technology for Development*. N 17 (3). 2011. P. 163–167.
19. Sassen S. Towards a sociology of information technology. *Current Sociology*. 2002. N 50 (3). P. 365–88.
20. Slevin J. The Internet and Society. Cambridge : Polity. 2000.
21. Steyn J., Johanson G. (Eds.). ICTs and sustainable solutions for the digital divide: Theory and perspectives. Hershey: Idea Group. 2010.
22. Тјоа А. М., Тјоа S. The Role of ICT to Achieve the UN Sustainable Development Goals (SDG). In: Mata F., Pont A. (eds) *ICT for Promoting Human Development and Protecting the Environment*. WITFOR 2016. IFIP Advances in Information and Communication Technology. Vol. 481. Springer, Cham. 2016. P. 3–13.
23. Tsekeris C. Industry 4.0 and the digitalisation of society: Curse or cure? *Homo Virtualis*. 2018.1 (1). P. 4–12.
24. Van den Bulck H. Tracing media policy decisions: Of stakeholders, networks and advocacy coalitions. In: Price M et al. (eds) *Routledge Handbook of Media Law*. London: Routledge. 2012. P. 17–34.
25. Van den Bulck H. Old Ideas Meet New Technologies: Will Digitalisation Save Public Service Broadcasting (Ideals) From Commercial Death? *Sociology Compass*. 2007. N 1 (1). P. 28–40.
26. Wilhelm A. Digital Nation, Towards an Inclusive Information Society. Cambridge, MA, London: The MIT Press. 2004.

Об авторе:

Штриков Сергей Анатольевич, Генеральный директор АО «Синергия Групп» (Москва, Российская Федерация); shtrikov_sa@cnrg-group.com

References

1. Aliev V.M. Political and legal aspects of transition to digital economy in Russia // Russian Investigator [Rossii'skii' sledovatel']. 2018. N 9. P. 48–52. (In rus)
2. Balashov A. I., Rogova E. M., Rudskaya I. A. Formation of regional innovation system in St. Petersburg // Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii]. 2015. N 1 (43). P. 96–114. (In rus)
3. Gohberg L. M. (ed.) What is the digital economy? Trends, competencies, measurement [Electronic resource] 2019. URL: <https://issek.hse.ru/press/264581421.html> (date of address: 10.07.2019). (In rus)
4. Zemtsov S. P. Potential robotics and the economics of ignorance in the regions of Russia [Electronic resource]. The XIX April international scientific conference on economic and social development. M. : HSE. URL: <https://conf.hse.ru/2018/program>. (date of the address: 28.07.2019). (In rus)
5. Krivoschapko Yu. RAEC: The audience of Runet reached 92.8 million people [Electronic resource] // RG.RU-Digital. 17.04.2019. URL: <https://rg.ru/2019/04/17/raek-auditoria-runeta-dostigla-928-milliona-chelovek.html> (date of address: 10.07.2019). (In rus)
6. Kuznetsov P. U. Conceptual conditions of state policy in the sphere of digital transformation of society // Russian law [Rossiiskoe pravo]. 2018. N 6. P. 12–16. (In rus)
7. Menshikov P. V. Communication as a management function of the modern state // Law and governance of the 21st century [Pravo i upravlenie XXI vek]. 2017. N 3. P. 81–90. (In rus)
8. Shamakhov V. A., Balashov A. I. New social and political normality and lessons of modernization of the Post-Soviet system of public administration // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 12 (96). P. 6–15. (In rus)
9. Angelidou M. Smart city policies: A spatial approach. Cities. 2014. N 41. P. 3–11.
10. Beniger J. R. The control revolution. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1986.
11. Castells M., Cardoso G. The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington DC: Center for Transatlantic Relations, 2006.
12. Cath C., Wachter S., Mittelstadt B., Taddeo M., Floridi L. Artificial intelligence and the 'good society': the US, EU, and UK approach. Science and Engineering Ethics. 2017. P. 1–24.
13. Csikszentmihalyi M. Society, Culture, and Person: A Systems View of Creativity. In: The Systems Model of Creativity. Springer, Dordrecht. 2014. P. 47–61.
14. Degryse C. Digitalisation of the economy and its impact on labour markets, Working Paper N 2016.02, European Trade Union Institute (ETUI).
15. Eskens S., Helberger N., Moeller J. Challenged by news personalisation: five perspectives on the right to receive information. Journal of Media Law. 2017. N 9 (2). P. 259–284.
16. Goldfinch S. Pessimism, computer failure, and information systems development in the public sector. Public Administration Review. 2007. N 67 (5). P. 917–929.
17. Martin W. The global information society. Aldershot: Gower. 1995.
18. Roztocky N., Weistroffer H. R. Information technology success factors and models in developing and emerging economies. Information Technology for Development. N 17 (3). 2011. P. 163–167.
19. Sassen S. Towards a sociology of information technology. Current Sociology. 2002. N 50 (3). P. 365–88.
20. Slevin J. The Internet and Society. Cambridge : Polity. 2000.
21. Steyn J., Johanson G. (Eds.). ICTs and sustainable solutions for the digital divide: Theory and perspectives. Hershey: Idea Group. 2010.
22. Tjoa A. M., Tjoa S. The Role of ICT to Achieve the UN Sustainable Development Goals (SDG). In: Mata F., Pont A. (eds) ICT for Promoting Human Development and Protecting the Environment. WITFOR 2016. IFIP Advances in Information and Communication Technology. Vol. 481. Springer, Cham. 2016. P. 3–13.
23. Tsekeris C. Industry 4.0 and the digitalisation of society: Curse or cure? Homo Virtualis. 2018.1 (1). P. 4–12.
24. Van den Bulck H. Tracing media policy decisions: Of stakeholders, networks and advocacy coalitions. In: Price M et al. (eds) Routledge Handbook of Media Law. London: Routledge. 2012. P. 17–34.

25. Van den Bulck, H. Old Ideas Meet New Technologies: Will Digitalisation Save Public Service Broadcasting (Ideals) From Commercial Death? *Sociology Compass*. 2007. N 1 (1). P. 28–40.
26. Wilhelm A. *Digital Nation, Towards an Inclusive Information Society*. Cambridge, MA, London: The MIT Press. 2004.

About the author:

Sergei A. Shtrikov, General Director of Synergy Group JSC (Moscow, Russian Federation);
shtrikov_sa@cnrg-group.com